

Гавриил ТРОЕПОЛЬСКИЙ

1905—1995

Советский писатель, драматург и сценарист Гавриил Николаевич Троепольский родился в селе Ново-Спасское Тамбовской губернии, в семье священника. В детстве в школу не ходил, но дома ему дали хорошее образование. После окончания сельскохозяйственного училища работал сначала учителем, а позже агрономом. Литературный дебют его состоялся в 1937 году. В 1953 году журнал «Новый мир» публикует его

рассказы «Из записок агронома», которые спустя год издаются отдельным сборником «Проخور семнадцатый и другие». С 1954 года полностью посвятил себя литературе и переехал жить в Воронеж. В 1976—1987 годах работал в журнале «Наш современник». Его перу принадлежит ряд публицистических произведений. В этот же период писатель создал повести «Кандидат наук», «В камышах», «Здравый смысл», роман «Чернозём». Но лавным произведением в творчестве Г. Троепольского стала повесть «Белый Бим Чёрное ухо», написанная в 1971 году. Книга отличалась от других произведений писателя стилем написания и выбранной темой и принесла ему мировую известность. Повесть была переведена на несколько десятков языков мира. В 1975 году Троепольский стал лауреатом Государственной премии СССР и итальянской премии Монца. Его книга была удостоена диплома и золотой медали фонда Леонардо да Винчи, многих других почётных наград. В 1977 году был снят одноимённый фильм с Вячеславом Тихоновым в главной роли, который номинировался на «Оскар».

ПРОХОР СЕМНАДЦАТЫЙ, КОРОЛЬ ЖЕСТЯНЩИКОВ

Фрагмент из повести

Спрашивается: какое отношение к запискам агронома имеет король, да ещё семнадцатый?

Вношу ясность.

Проخور семнадцатый — это и есть тот самый Проخور Палыч Самоваров, который ещё до Петра Кузьмича Шурова был председателем колхоза; что же касается королевского титула, то это люди ему прилепили такое — беру только готовое.

Общий вид Прохора Палыча, конечно, резко выделяется среди всего населения колхоза. С этого и начну.

Комплекция плотная, рост выше среднего, животик изрядно толст, ноги поставлены довольно широко и прочно; голова большая, лоб узковат, но не так уж узок; нос узловатый, широкий и тупой, слегка приплюснутый, с синим отливом; нижняя губа приблизительно в два с половиной раза толще верхней, но не так уж толста, чтобы мешала; две глубокие морщины — просто жировые складки, а не то чтобы следы когтей жизни; глаза на таком лице надо бы ожидать большими, а они, наоборот, получились маленькие, сидят глубоко, как глазок картофелины, и цвета неопределённого, будто подёрнуты не то пылью, не то марью. Прохор Палыч не брюнет, не блондин, но, однако, и не полный шатен.

Одевается он с явным подражанием работникам районного масштаба: тёмная суконная гимнастёрка с широким воротом — зимой и летом, широкий кожаный жёлтый пояс, ярко начищенные хромовые высокие сапоги и широкие синие галифе. Голову на плотной шее Прохор Палыч держит прямо и, проходя, ни на кого не смотрит (если поблизости нет кого-нибудь из работников района).

Вот он какой представительный!

Знакомы мы с ним уже порядочное время, довольно хорошо знаем друг друга, давно я хочу о нём написать, но всё-таки каждый раз, как возьмёшь перо, думаешь: что о нём писать?

Писать о том, что у него огромный клетчатый носовой платок, в который свободно можно завернуть хорошего петуха и в который он сморкается трубным звуком, так что телята шарахаются во все стороны, — это же неинтересно.

Сказать о нём, что он блудлив, нельзя, так как у него было только три жены: первая после развода вскоре умерла, вторая живёт с двумя детьми где-то не то во Владивостоке, не то во Владимире, а с третьей он живёт и сейчас (пока ещё не регистрировался и, наверно, не думает).

Ну что ещё? Сказать, чтобы он не делал ошибок, тоже нельзя. Ошибки он делает и всегда их признаёт рьяно, признаёт, даже если этих ошибок нет, а начальство подумало, что ошибки есть. Иной день даже ему в голову приходит

такое: «А какую бы мне такую ошибку отмочить, чтобы и взыскания не было, и весь район заговорил?» Но для признания своих ошибок он всегда оставляет, так сказать, резервы. Вот он, например, как мы уже заметили, не регистрируется с последней женой — это тоже резерв! А ну-ка да скажет высшее начальство: «разложение» или что-нибудь вроде того? Тогда можно признать свою ошибку и скрепя сердце вернуться к прежней жене; так что, в конце концов, получается — жена у него одна-единственная, а эта теперешняя — так, ошибка.

Или, скажем, написать, что он много водки пьёт, — клевета, оскорбление личности! Ничего подобного! Он никогда больше пол-литра в один присест не выпивает. А разве, спрошу я вас, нет людей, которые выпивают больше? Есть. И здесь Прохор Палыч прав, говоря, что он норму знает. Ну не без этого, конечно, праздник там большой или свадьба в колхозе случится, тогда выпьет вдвое больше или около того; в таком случае в конце процедуры у него появляется непонятное головокружение, душевные переживания всякие, даже тоска какая-то, и он плачет. Прохор Палыч прав, говоря, что когда он пьян, то становится смирным настолько, что и курицу не обидит.

Ещё о чём же? Разве о характере? Можно. Характер у него таков: с одной стороны прямой и твёрдый, а с другой — мягкий и податливый, как воск. Внутри же ничего не видно; тонкое дело — заглянуть внутрь человека! Может быть, со временем и выяснится, что там, внутри, а пока буду писать о том, что видимо как факт и что подтверждает сам Прохор Палыч.

Например, что значит: «прямой и твёрдый с одной стороны»? Это значит: если он что-либо надумал, а кто-то из людей ниже его по должности перечит, то Прохор Палыч найдёт способ доказать твёрдость характера и прямоту. Быками не своротишь — найдёт! Собственно, прямота проявляется чаще всего под конец собеседования, и он не моргнёт глазом сказать возражающему: «К чёрту! Не выйдет по-твоему!»

Теперь: «с другой стороны — мягкий». Тут надо примером. Допустим, заехал из района в колхоз председатель райисполкома, или заведующий райзо, или кто-либо — упаси боже! — выше, тогда Прохор Палыч, заходя в кладовую, делает следующее: сначала складывает колечком большой и указательный пальцы и произносит мягко, обращаясь к кладовщику: «Ко-ко — двадцать» (яиц, значит, двадцать). Затем покрутит пальцами около лба, завивая рожки, и говорит ещё ласковее, со вздохом: «Бе-бе — четыре» (это означает — четыре килограмма баранины). Таким же шифром он передаёт мёд (жужжит), ветчину («хрю-хрю») и, наконец, щелчком слегка бьёт себя по горлу сбоку, подняв шею, и изрекает: «Эх-эх-хе! Маленькие мы люди. Ничего не попишешь: сама жизнь того требует».

В общем, о своём характере он так и говорит: «Я если залезу на точку зрения и оттуда убеждаюсь, тогда я человек твёрдый и прямой как штык; а если руководителя уважить или угостить, то я человек мягкий и податливый: не могу, — говорит, — покойно видеть начальника, если он не ест и не пьёт, аж самому тошно... А тут... — и он легонько постучит кулаком по груди. — Тут! Эх, товарищи, товарищи!» Просто даже интересно становится: а что же всё-таки у него внутри? Я не говорю там о кишках, о печёнках, о ложечке, под которой у него болит после выпивки, о катаре, который, по словам Прохора Палыча, есть в желудке каждого человека и который, собственно, и урчит-то всегда, — это всё вещи известные, и местоположение их ясно, — я говорю о характере: снаружи — человек как человек, а вот внутри — загадка.

И тем более уж если бы он не читал совсем ничего, тогда можно было бы подумать о плесени, о наслоениях прошлого, о пережитках капитализма внутри и тому подобном... Но он же всё-таки читает! Ежедневно, каждое утро читает отрывной календарь. Иногда чтение вызывает у него неожиданные эмоции: сидит на кровати, ещё не обувшись, оторвёт листок календаря, прочитает о восходе, заходе солнца и долготе дня, прочитает о восходе луны, подумает,

подумает и скажет: «Эх вы, календарщики, календарщики! Знали бы вы нашу нагрузку! Не тем занимаетесь, товарищи!» Но какие предложения конкретно он вносит, остаётся неясным. Думаю, что речь идёт об изменении долготы дня, а неопределённость замечания в адрес календарщиков объясняется, надо полагать, тем, что у него всё-таки возникают сомнения: зависит ли это мероприятие от них? Прохор Палыч, конечно, не дурак!..

Правда, насчёт астрономии у него в голове довольно большая туманность, что объясняется очень сильной нагрузкой; по этой же причине и сведения о химии pochodят на колбу с бесцветным газом: а чёрт же её знает, есть там что, в этой колбе, или нет! Может быть, там и действительно ничего нет, а один обман природы! Недаром же Прохор Палыч говорит про всех землеустроителей: «Знаю я этих астрономов! Мошенники!» И об агрономах отзывается презрительным языком: «Ох уж эти мне химики: то не так, это не так! Вот они мне где! — и постучит ладошкой по зашивку. — Спрашивается: за что зарплату получают? Нет, пусть бы он сел у меня в правлении да писал или диаграммы какие-нибудь чертил, а я бы посмотрел, чем он занимается, а то уйдёт в поле на весь день — и до свидания! Химики!»

И тут, конечно, Прохор Палыч прав, когда говорит, что насчёт теории ему требуется только вспомнить кое-что, но пока сильно некогда.

Больше того. Он определённо имеет склонность к философскому мышлению. Право, редкому человеку удастся из одного-единственного слова построить длинное предложение с глубокой мыслью, а он может, да ещё как может! Как-то вытащили его чуть не за шиворот в кружок заниматься. Там-то он и сказал такое умное, что облетело весь район. Когда у него спросили, как он усвоил материал и что думает по этому вопросу, он сказал: «План — это, товарищи, план. План до тех пор план, пока он план, но как только он перестаёт быть планом, он уже не план. Да. А наши планы были планы, есть планы и будут планы. Точнее, не может быть плана, если он не план...» Но тут его вежливо перебил

руководитель кружка и, вытирая со лба пот, выступивший как-то сразу, сказал: «Мне теперь всё ясно. Садитесь!»

Видите! Даже руководителю ясно стало всё, так умеет сказать Прохор Палыч.

Нет, Прохор Палыч положительно интересный человек! Во всякий вопрос вносит он своё. Взять, к примеру, оценку своих знакомых. Он разделяет их на четыре группы: на беспартийных, кандидатов партии, членов партии и... кандидатов из партии. При этом он иногда скажет: «Вперёд не забегай, сзади не отставай и в серёдке не толпись!» Но тут-то Прохор Палыч и допустил большую ошибку: не туда причислил себя и думал совсем не так, как оно получилось. Правда, у него всего только три выговора с предупреждением (или четыре? Нет, три; четвёртый — это не выговор, а одно только предупреждение в развёрнутом решении), но чистосердечное раскаяние всегда и у всех вызывало сочувствие, которое заливало туманом его светлый разум, не дало возможности разобраться в том, куда везёт его кривая. Он даже иногда, бывало, скажет: «О! Наш председатель райисполкома — человек! С этим не пропадёшь!» Но... ошибся. Ой как ошибся! Ошибся потому, что не учёл, что и районные работники сменяются.

И уж если нечего писать о Прохоре Палыче, как сказано выше, то я подумал: «А дай-ка напишу насчёт этой самой роковой ошибки жизни!» Однако ясно, что человек приходит к ошибке не сразу, хотя он её и признаёт, поэтому и написать коротко, одним скоком, не удастся, тем более мы ещё совсем не знаем, что у него там внутри.

План моих записок таков:

А. Какими кривыми путями привела кривая Прохора Палыча до председателя колхоза и насколько кривы были кривые пути его.

Б. Как он руководил колхозом, и что из того получилось, и получилось ли вообще что-нибудь.